

Отечественный опыт государственного содействия переселенцам в Сибирь в первые десятилетия XX века

© А.И. Бакшеев^a, О.М. Бобылева^b

^a Красноярский государственный медицинский университет имени профессора В.Ф. Войно-Ясенецкого Министерства здравоохранения Российской Федерации, г. Красноярск, Россия

^b Иркутский государственный университет путей сообщения, г. Иркутск, Россия

Аннотация: В статье рассматривается преемственность отечественной государственной политики в вопросах заселения территории Сибири и Дальнего Востока в первые десятилетия XX века. Предметно на основе архивных документов (смет и отчетов) раскрыт механизм организации ссудной помощи переселенцам в период столыпинской аграрной реформы (1906–1916 гг.). Приведены данные о динамике миграции, наиболее интенсивной с 1908 г. Показано, что колонизация была важным компонентом политики Российской империи, а крестьяне рассматривались как надежные проводники идеи «единой и неделимой» державы. В 1912 г. правительство пересматривает ссудную политику. Крестьянам, желающим переселиться в хорошо освоенные зоны, размер ссуды уменьшался. В прижелезнодорожных районах выдача ссуд отменялась. Одновременно значительно увеличивалась ссуда для переселенцев в Восточную Сибирь и на Дальний Восток. Приведено опубликованное в 1915 г. мнение начальника Переселенческого управления Г.Ф. Чиркина «О колонизационно-культурных задачах после войны». Первая мировая война стала масштабным испытанием для сельского хозяйства Сибири. Однако аграрное производство развивалось, посевы и поголовье скота росли. При нахождении Сибири под властью белых в 1918–1919 гг. эта тенденция сохранилась. На Сибирь меры военного коммунизма были распространены с августа 1919 г., будучи уже отработаны в Европейской России. Они включали предельную централизацию и милитаризацию органов власти, ставку на насильственные методы. Реализация таких мер наглядно продемонстрировала и военные возможности, и производственные ограничения. Первоначально большевики считали целесообразным вкладывать средства в старые индустриальные районы, где был возможен большой прирост производства, чем в Сибири. В 1926 г. Я.Б. Гамарник озвучил концепцию развития Дальневосточного края, которая частично совпадала с дореволюционными практиками. При отдельных различиях в форме прослеживается преемственность по содержанию государственных проектов заселения восточных районов России.

Ключевые слова: Столыпинская аграрная реформа, ссуды, Переселенческое управление, государственная политика, П.А. Столыпин, Г.Ф. Чиркин, Я.Б. Гамарник, Российская империя, Союз Советских социалистических республик, Сибирь, Дальний Восток

Информация о статье: поступила в редакцию 1 июня 2020 г.; поступила после рецензирования и доработки 23 июня 2020 г.; принята к публикации 6 июля 2020 г.

Для цитирования: Бакшеев А.И., Бобылева О.М. Отечественный опыт государственного содействия переселенцам в Сибирь в первые десятилетия XX века // *Известия Лаборатории древних технологий*. 2020. Т. 16. № 3. С. 220–229. <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2020-3-220-229>

An experience of State assistance to migrants to Siberia in the first decades of the XX century

© Andrey I. Baksheev^a, Olga M. Bobyleva^b

^a Krasnoyarsk State Medical University named after Professor V.F. Voyno-Yasenetsky Ministry of Health of the Russian Federation, Krasnoyarsk, Russia

^b Irkutsk State Transport University, Irkutsk, Russia

Abstract: The article examines the continuity of Russian State policy in the settlement of the territory of Siberia and the Far East in the first decades of the XX century. On the basis of archival documents (estimates and reports), the mechanism of organizing loan assistance to migrants during the Stolypin Agrarian Reform (1906–1916) is revealed. Data on the dynamics of migration, the most intensive since 1908, are presented. It is shown that colonization was an important component of the policy of the Russian Empire, and the peasants were considered as reliable conductors of the idea of a “single and indivisible” power. In 1912, the government revised its loan policy. For farmers who wanted to move to well-developed areas, the loan amount was reduced. Loans were canceled in near-road areas. At the same time, loans for immigrants to Eastern Siberia and the Far East were significantly increased. The article presents the opinion of the head of the Resettlement Department G.F. Chirkin published in 1915 “On colonization and cultural tasks after the war”. The First World War was a major test for agriculture in Siberia. However, agricultural production is developed, the crops and livestock grow. When Siberia was under White Rule in 1918–1919, this trend continued. In Siberia, the measures of Military Communism were extended from August 1919, having already been worked out in European Russia. They included extreme centralization and militarization of government bodies, and a reliance on violent methods. The implementation of such measures has clearly demonstrated both military capabilities and production constraints. Initially, the Bolsheviks considered it expedient to invest in the old industrial areas where a greater increase in production was possible than in Siberia. In 1926, Ya.B. Gamarnik voiced the concept of development of the Far Eastern region, which partially coincided with pre-revolutionary practices. With some differences in the form, there is a continuity in the content of state projects for the settlement of the Eastern regions of Russia.

Keywords: Stolypin Agrarian Reform, loans, Resettlement management, State policy, P.A. Stolypin, G.F. Chirkin, Ya.B. Gamarnik, Russian Empire, Union of Soviet Socialist Republics, Siberia, Far East

Article info: received June 1, 2020; revised June 23, 2020; accepted July 6, 2020.

For citation: Baksheev A.I., Bobyleva O.M. (2020) An experience of state assistance to migrants to Siberia in the first decades of the XX century. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 16. No. 3. P. 220–229. (In Russ.). <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2020-3-220-229>

Значимой научной проблемой, заслуживающей предметного рассмотрения, является сюжет преемственности государственной политики как в стабильных условиях, так и после революционной смены политических режимов. Например, в нашей стране в 1920–1930-е годы проявлялась прямая инерция дореволюционных (царских) промышленных, инфраструктурных и колонизационных (переселенческих) заделов. Причем такие заделы создавались по военным и геополитическим мотивам, что делало повторное обращение к их использованию неизбежным, вопреки всей прежней коммунистической критике.

Отметим, что обсуждение инфраструктурных проектов есть важный канал воздействия общества на государственный аппарат. В Российской империи широко практиковалась подготовка записок и «мнений» по различным вопросам, проводились разнообразные совещания и конкурсы.

Для регулирования и координирования миграции была создана специальная государственная структура – Переселенческое управление при Министерстве внутренних дел (1896–1905 гг.), которое

разослало губернаторам специальный циркуляр. Он предписывал всем местным государственным учреждениям всемерно способствовать успешному «ходу переселенческого дела» с целью ослабить «...аграрное движение среди сельского населения Европейской России за счет выселения излишков населения в азиатские окраины империи» (Белянин, 2011).

Расчеты численности переселенческого движения в государственной и земской статистике начального периода практически не велись, и исследователи могут рассчитывать только на цифровые данные, начиная с 1896 г., когда был налажен официальный централизованный учет переселенцев. Так, еще в 1859–1870 гг. в Сибирь и на Дальний Восток мигрировали 129,2 тыс. человек. Темпы переселения заметно возросли с постройкой Транссиба (1891–1916 гг.), оттеснившего от перевозок переселенцев морской и гужевого транспорт. Численность и темпы миграции позволяют выделить еще один этап в освоении сибирских земель, в котором особое место по массовости занимает так называемый столыпинский период, начавшийся

после 1906 г. Больше всего в Сибирь переселялись в период 1905–1914 гг. особенно интенсивно с 1908 г. Большинство исследователей в подсчетах численности переселенцев за Урал до Первой мировой войны сходятся на цифре в 2,5 млн человек (Давыдов, 2011; Белянин, 2019).

Колонизация стала важным компонентом имперской политики, а крестьяне должны были бы стать эффективными проводниками идеи «единой и неделимой России». Речь шла о том, чтобы совместить колонизацию Сибири с ее русификацией и таким образом укрепить военно-политическое присутствие в регионе (Бакшеев, 2020b. С. 137).

Именно в 1906 году правительство пересмотрело правила выдачи ссуд крестьянам, в сторону увеличения размера суммы и упрощения её получения, так как основной силой, стимулирующей переселенческий процесс в Сибирь всегда были льготы и ссуды, выдаваемые правительством. Ссуды давали возможность прочнее и быстрее закрепиться на новых землях и расширить круг желающих «попытать своё счастье», так как теперь не только зажиточные крестьяне могли позволить себе переезд в Сибирь (Захарова, 2005; Белянин, 2012).

Средства, выделяемые государством на организацию переселения в Сибирь, распределялись в смете по следующим статьям: ссуды переселенцам – 46 %; землеустройство – 18 %; врачебная помощь – 13 %; строительство дорог – 12 %; мелиорация – 7 %; все прочие нужды – 4 % (Винокуров, Суходолов 1996. С. 63). Иначе говоря, 64 % средств – это были ссуды переселенцам и их землеустройство. Ссуды переселенцам включали «домообзаводные ссуды», ссуды на общественно-полезные надобности и путевые ссуды.

Предельные нормы «домообзаводной ссуды», выдаваемой переселенцу, сохранялись до 1908 года и составляли 150 рублей в Приморье и 100 рублей во всех остальных районах. По новым «Правилам о переселении» сумма увеличилась – на Дальнем Востоке она выросла до 200 рублей, во

всех остальных районах до 165 рублей на семью (Отчет за 1908 год..., 1909. С. 44–48)¹.

Механизм получения ссуды крестьянином-переселенцем теперь выглядел следующим образом: согласно смете Переселенческого управления ежегодно выделялись средства на выдачу «домообзаводных» ссуд новосёлам. Далее заведующие переселенческим делом в районах получали определённую сумму, согласно заранее составленным сметам и отчетам, и только после этого крестьянские начальники или заведующие подрайонами переселения выдавали ссуды переселенцам.

Реальность же вносила определённые коррективы в продуманный механизм получения ссуды. Заведующие переселенческим делом в районах отмечали, что в первые годы реформы ссудное дело в районах Восточной Сибири (Енисейском и Иркутском) следует признать «не нормальным» и «не рациональным». Чиновники были бы рады снять с себя эту обузу и передать выдачу денег в местные сберегательные кассы» (Переселенческое «способие», 1909. С. 13–14).

После поездки П.А. Столыпина в Сибирь в 1912 году правительство вновь пересматривает ссудную политику государства. Теперь размер ссуды зависит от многих составляющих – крестьянам, желающим переселиться в благоприятные зоны для земледелия (Степные и лесостепные зоны Западной Сибири) размер ссуды уменьшался. В районах, прилегающих к железной дороге, выдача ссуд и вовсе отменялась. В то же время, значительно увеличивался размер ссудной помощи для желающих осесть в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке – её размер колебался от 100 до 250 рублей. В особо значимых для государства районах половина ссуды могла выдаваться как «безвозвратное пособие». Также с 1912 года, в целях более рационального расходования государственных средств, ссуды переселенцам выдавались двумя частями: первая выдавалась крестьянам сразу при прибытии на участок и оформлению документов, –

¹ Отчет за 1908 год по зачислению долей ходокам и водворению переселенцев в Азиатской России. Санкт-Петербург: Типография «Сельского вестника», 1909. 123 с.

вторая часть ссуды могла быть получена переселенцами только после соответствующего доклада чиновника переселенческой организации о том, что деньги, полученные новосёлами, израсходованы по назначению, то есть на хозяйственные нужды (Скляров, 1962. С. 353). Кроме денежных ссуд на «домообзаведение» выдавались и предметные ссуды, как правило, это был сельскохозяйственный инвентарь – плуги, сельскохозяйственные машины, семена.

Средний размер ссуды на семью возрастал, тем не менее он признавался недостаточным. С другой стороны, Переселенческое управление считало, что размер ссуды не должен полностью покрывать расходы на обзаведение хозяйством новосёла, поскольку это было бы «нецелесообразно», так как повлекло бы еще больший наплыв в Сибирь переселенцев, рассчитывающих достичь благосостояния не столько упорным трудом, предприимчивостью и собственными сбережениями, а с помощью правительственного пособия. В циркуляре Главного управления землеустройства и земледелия от 1908 года отмечалось, что заведующий районом переселения должен уяснить, что «центр тяжести при обзаведении хозяйства должен лежать в их (переселенцев) самостоятельности» (Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 32. Оп. 4. Д. 41. Л. 8). В этом же документе указывалось на то, что заведующие переселенческими районами должны знать о наличии средств на выдачу ссудных кредитов и своевременно запрашивать Переселенческое управление о переводе средств на ссуды, но при этом, не выходя за рамки сметы.

Кроме ссуд на «домообзаведение» в сметах Переселенческого управления значились и другие ссуды для переселенцев, так называемые – целевые, выдаваемые крестьянам по ходатайству на «открытие какого либо промысла». В ходатайстве крестьяне должны были доказать полезность и рентабельность задуманного предприятия. Чиновник, заведующий подрайоном, после получения подобного документа обязан был провести обследование крестьянского хозяйства на предмет его платежеспособности.

Целевые ссуды должны были способствовать развитию крестьянского предпринимательства, обеспечивать возможный дополнительный доход и рабочие места. Таким образом решалась задача развития многоукладности в сельском хозяйстве. Кроме дегтярных заводов крестьяне организовывали работу маслоделен, коптилен, мельниц и пр. Выдавая целевые ссуды, государство ставило обязательным условием, не только их возврат, ссуды должны были содействовать получению дополнительного дохода переселенцами, создавать рабочие места, тем самым обеспечивая развитие отдалённых регионов.

19 апреля 1909 года правительством был принят закон «О порядке выдачи ссуд на общественно-полезные надобности» переселенцев (ГАИО. Ф. 171. Оп. 5. Д. 309. Л. 37). Они могли выдаваться не только сельским обществам, но и крестьянам и товариществам крестьян-домохозяев. Общественно-полезными надобностями считались следующие: строительство колодцев, запруд, канав, дорог, гатей, мостов, организация пожарной охраны, общественных зданий, сельскохозяйственных предприятий (мельницы, кирпичные заводы и пр.). Иногда такие ссуды могли стать безвозвратными пособиями, но только с разрешения Главного управления землеустройством и земледелием. Процесс получения ссуды на общественно-полезные надобности был такой же, как и на «домообзаведение». Крестьянские начальники и чиновники, заведующие переселенческим делом в подрайоне в месячный срок должны были отправить крестьянское ходатайство в губернскую или областную переселенческую организацию, к нему в обязательном порядке прикреплялось «заключение» чиновников, а там уже принималось решение. Если запрашиваемая сумма превышала 2000 рублей, районные переселенческие организации переадресовывали решение вопроса в Главное управление землеустройства и земледелия. Ссуды на общественно-полезные надобности можно было погашать в рассрочку в течение 10 лет, иногда (в исключительных случаях) в течение 20 лет (ГАИО. Ф. 171. Оп. 5. Д. 309. Л. 37). Крестьянские начальники или чиновники должны были следить за це-

левым использованием отпущенных средств. Уже в 1910 году в Енисейском переселенческом районе на общественно-полезные надобности было выдано 73 770,43 руб., в Иркутском – 27 436,81 руб., в Забайкальской области – 12 200 руб. (Государственный архив Челябинской области (ГАЧО). Ф. 52. Оп. 3. Д. 2207. Л. 166 об.). На эти средства строились школы и церкви. По заказу Переселенческого управления были разработаны типовые архитектурные проекты.

В особых случаях (недорода или неурожая в данном населенном пункте, недостатка хлеба, отсутствия натуральных запасов или капиталов), переселенцам выдавались ещё и дополнительные ссуды. Чиновники предварительно проверяли действительную нуждаемость, чтобы затем обсудить и принять решение на съезде крестьянских начальников и заведующих переселенческими подрайонами. Также важным каналом помощи переселенцам были общественные работы.

Отдельным вопросом в организации ссудной помощи переселенцам всегда был вопрос о путевых ссудах. Его приходилось согласовывать с Министерством путей сообщения. Для перевозки переселенцев по железной дороге были оборудованы специальные, так называемые «столыпинские вагоны», устанавливались очереди перевозки из центральных областей Российской империи и вводились специальные льготные тарифы для ходоков и переселенцев. После своей поездки в Сибирь П.А. Столыпин по вопросу о льготном проезде переселенцев к местам водворения писал следующее: «Переезд совершен раз – и забудется. Насущно важно в этом отношении сократить время переезда и сберечь денежные средства переселенческой семьи, чтобы не обессилить её ещё до прихода на новые места». В то же время он осознавал, что железные дороги несут убытки из-за действия льготного тарифа для ходоков и переселенцев, отмечая, что «дороги насчитывают 7,5 миллионов рублей убытков от льготного тарифа» (Столыпин, Кривошеин, 1910. С. 8)². Было принято компро-

миссное решение – были изменены тарифные ставки и порядок пользования льготными тарифами. До этого также существовали определённые ограничения, согласно распоряжению Главного управления землеустройства и земледелия в 1907 году «просьбы о выдаче свидетельств на бесплатный проезд могут удовлетворяться лишь по особым ходатайствам губернаторов» (ГАЧО. Ф. 52. Оп. 3. Д. 2204. Л. 10).

С 1909 по 1911 годы в землеустроительные комиссии 47 губерний Европейской России поступило 37403 ходатайства о бесплатном проезде, – 16415 были удовлетворены (Обзор деятельности землеустроительной комиссии..., 1912. С. 92–93)³. Теми, кто мог проехать бесплатно по железной дороге, чаще всего были следующие категории переселенцев: семейства нижних чинов, раненых или принимавших участие в Русско-японской войне, а также те, кому землеустроительная комиссия выдавала удостоверения, подтверждающие, что «переселение известной части хозяев, заведомо малосостоятельных, явно связано с улучшением землепользования остающихся» (ГАЧО. Ф. 52. Оп. 3. Д. 2204. Л. 10). Возможность получить льготный проезд была у всех желающих переселиться за Урал, для этого необходимо было оформить специальные документы – проходное свидетельство или «ходаческое свидетельство», в котором указывались все члены семьи и станции прибытия. Безвозвратные ссуды для проезда по железной дороге ходокам и переселенцам в восточном районе передвижения составляли один рубль семьдесят одну копейку. Заведующий переселением Забайкальско-Манжурского района в 1906 году отмечал, что выделенных средств недостаточно. Смета на 1906 год составлялась в расчете на движение 10 000 переселенцев, а прошло их в два раза больше. Путевое пособие смогли получить около 400 семей, в среднем по 6 рублей на семью (ГАЧО. Ф. 52. Оп. 3. Д. 2204. Л. 11).

1910 году: (приложение к всеподданнейшему докладу). Санкт-Петербург: Государственная типография, 1910. 168 с.

³ Обзор деятельности землеустроительной комиссии за 1907–1911 гг. Санкт-Петербург, 1912, 121 с.

² Столыпин П.А., Кривошеин А.В. Записка Председателя Совета министров и Главноуправляющего землеустройством и земледелием о поездке в Сибирь и Поволжье в

Ссудная помощь переселенцам должна была сыграть важную роль в закреплении их на новых землях, помогала завести крепкое хозяйство, организовать собственное дело. Однако средств требовалось гораздо больше, не все прошения о ссудах удовлетворялись, а с началом Первой мировой войны последовали значительные сокращения. Тем не менее следует признать, что свою роль ссуды всё же сыграли. Большинству же крестьян удалось закрепиться в регионе, что внесло огромный вклад в его хозяйственного освоения.

Характерная оценка экономических перспектив Сибири содержит статья начальника Переселенческого управления Главного управления землеустройства и земледелия Г.Ф. Чиркина «О колонизационно-культурных задачах после (А.Б., О.Б. – Первой мировой) войны». Разделы публикации вполне конкретны: «Согласование железнодорожных тарифов с новыми сельско-хозяйственными запросами колонизируемых районов», «О нашем укреплении на Персидском и Монгольском рынках», «Необходимость организации в заселяемых районах сельского кредита и мер содействия развитию обрабатывающей промышленности», «Меры по ограничению вывоза сельско-хозяйственных орудий и машин из-за границы», «Необходимость подготовки к восприятию новых задач на востоке ввиду открытия Панамского канала» и т. д.

Показательны тезисы Г.Ф. Чиркина по эволюции аграрного производства: Вывоз зерновых хлебов из России 15 лет назад вдвое превосходил ее внутренний грузооборот по железным дорогам, 10 лет назад внутренний оборот сравнивался с внешним, а теперь опережает его, чем дальше, тем больше. «Данные железнодорожных перевозок наглядно свидетельствуют о том, как сельско-хозяйственные районы по избыткам главного нашего экспортного хлебного товара – пшеницы отходят все глубже и глубже на восток. И это обстоятельство в ближайшие годы будет ощущаться все с большей и большей силой и требовать приспособления тарифных ставок. Это большая очередная задача, диктуемая нуждами нашего экспорта и запросами внутреннего сельско-хозяйственного промысла, основы благосостояния страны, от которого

зависит и военная мощь государства» (Чиркин, 1915. С. 32). Таким образом, практика тарифного регулирования была ключевым инструментом увеличения спроса, а соответственно и производства.

В тех случаях, где удобный в сельскохозяйственном отношении заселяемый район рельсовым путем приобщается к рынкам сбыта, там, если у переселенца находятся оборотные средства, переселенческое хозяйство развивается также быстро, «как евангельское зерно, попавшее на плодородную почву» (Огановский, 1914. С. 139).

По мнению Г.Ф. Чиркина, именно от организации сельско-хозяйственного кредита во многом зависело развитие в Сибири и сельско-хозяйственной обрабатывающей промышленности. При неограниченных запасах дешевого сырья и топлива возникновению новых предприятий, ежегодно намечающихся сотнями, препятствует в Сибири отсутствие дешевого кредита. На месте, например, обрабатывается не более 25 % кож, остальные же 75 % идут на заводы иностранных государств... К переработке сырья в полуфабрикаты у Сибири неограниченная возможность. Сибирь еще долго будет развивать животноводческие возможности, так как обладает огромной площадью земель, в числе которых есть обширные солончаковые степи, мало пригодные для хлебопашества, но являющиеся прекрасными пастбищами. Сибирь, мясные продукты которой достигли уже 55–60 % на столичных рынках, не только не уменьшает своего скотоводства, но с каждым годом его увеличивает. Со скотоводством же связана кожевенная промышленность, шерстобитный промысел, шерстяные изделия. Со скотоводством и земледелием связана фабрично-заводская промышленность: мукомольная и маслобойная» (Чиркин, 1915. С. 40–42).

Первая мировая война 1914–1918 гг. стала масштабным испытанием для сельского хозяйства Сибири. Однако аграрное производство развивалось. Посевные площади выросли, но среднегодовой темп прироста снизился в 10 раз. Увеличилось поголовье продуктивного скота, но на треть сократилось производство сливочного масла.

При нахождении Сибири под властью белых в 1918–1919 гг. эта общая тенденция сохранилась.

Несмотря на формирование многочисленных войск, регион не испытывал дефицита продовольствия, а по представлениям большевиков, запасы продуктов были огромными. Местные крестьяне еще не были лишены стимулов к производству, как это произошло в Европейской России, где сельское население в ответ на продразверстку сокращало запашку (Бакшеев, 2020а. С. 70).

Современная историография определяет военный коммунизм, как комплекс военно-политических, социально-экономических и культурных преобразований, проводимых большевиками. На Сибирь меры были распространены с августа 1919 г. и внедрялись по мере разгрома колчаковских войск, будучи уже отработаны в Европейской России. Основные черты военного коммунизма включали в себя: предельную централизацию и милитаризацию (военизацию) органов власти, их ставку на чрезвычайные (насильственные) методы.

Причем сколько бы советская историография не сетовала на вынужденный тяжелыми условиями Гражданской войны характер военного коммунизма, невозможно игнорировать то, что в первую очередь он воплощал программные положения большевистской партии и взгляды ее лидеров. Сам В.И. Ленин в октябре 1919 г., оценивая современный экономический строй, определил его как «борьбу первой ступени перехода к коммунизму с крестьянскими и капиталистическими попытками отстоять (или возродить) товарное производство» (Ленин, 1965. С. 357). Понятно, что военный коммунизм позволял большевикам как решать конкретные задачи, так и в условиях обострения классовых противоречий инициировать расширение своей социальной базы, необходимой для социалистического строительства (Бакшеев, 2020а. С. 61).

На 1920 г. зажиточные семьи составляли 13 % населения крестьян Сибири, а к 1922 г. доля уменьшилась более чем втрое. Также зажиточные крестьяне снизили мощность хозяйств вдвое. Наблюдалось обеднение и в других группах крестьянства.

Гражданская война и военный коммунизм оставили обширное наследие как идейное, так и материальное. Реализуемые большевиками чрезвычайные

меры, до них не применявшиеся с таким размахом и системностью, наглядно продемонстрировали и свои военные возможности, и свои производственные ограничения. Фактический материал Сибири позволяет внести существенные корректировки в официальную интерпретацию экономической политики. Особо подчеркнем глубокую убежденность большевиков в предпочтительности методов военного коммунизма и рассмотрение отступлений, как вынужденных и непродолжительных.

Большевики подчеркивали необходимость первоначально вкладывать средства в старые индустриальные районы, где был возможен большой прирост производства, чем в Сибири или на Урале (Минеев, Колосовский, 1930. С. 245). Советские экономисты конца 1920-х гг. намечали для Сибири следующие перспективы:

- 1) Лесной экспорт в Западную Европу через Ледовитый океан;
- 2) Снабжение древесиной и древесным углем Урала, уже истощающего такие запасы, плюс снабжение древесиной Кыргызского края и Туркестана;
- 3) Развитие, в целях экспорта, скотоводства и возделывания технических культур;
- 4) Развитие горной металлургической промышленности.

«Колонизационные перспективы Восточной Сибири весьма незначительны сравнительно с огромностью составляющей ее территории. Удаленность от рынка и непреодолимо конкурирующее положение прилегающих районов оставляют пока для сбыта продуктов массового производства лишь собственный внутренний, чрезвычайно малоёмкий рынок. Единственный пока путь развития Восточной Сибири – это увеличение емкости ее рынка посредством развития железнодорожного строительства, улучшения качества водных путей и уплотнения местного населения...» (Ямзин, Воцинин, 1926. С. 163–164, 177–178).

В мемуарной литературе, в воспоминаниях А.И. Микояна, В.М. Верховых, М.Б. Кузеница, М.И. Рачкова и А.Г. Якимова содержится информация о дальневосточном этапе деятельности Я.Б. Гамарника, который с 1923 по 1928 гг. после-

довательно занимал должности председателя Дальревкома, Дальневосточного крайисполкома и секретаря Далькрайкома партии большевиков. В 1926 г. в докладе на XV Всесоюзной партийной конференции Я.Б. Гамарник подготовил концепцию развития региона, которая, по мнению его биографов, частично совпадала с концепцией П.А. Столыпина (Ян Гамарник, 1978).

Главные тезисы доклада: 1) необходимы большие капиталовложения для индустриализации края, но при профессиональном распределении средств эти затраты окупаются в кратчайшие сроки. Прежде всего, речь шла о развитии государственной добычи золота, а также, учитывая потребности японцев, было предложено заключить соглашения об экспорте дальневосточных угля и нефти, для чего было необходимо увеличить их добычу;

2) развитие рисоводства. В то время рис закупали за границей, но на Дальнем Востоке, где до революции рис почти не выращивали, в 1926 г. было засеяно 14000 га этой культуры (Стасюкевич, 2013). Для удачного развития отрасли необходимо было выделить некоторые средства на строительство оросительной системы. Но в этом вопросе надо было поторопиться, чтобы опередить самих японцев, которые просили передать им дальневосточное рисоводство в концессию с последующим вывозом готового продукта в Японию;

3) Я.Б. Гамарник выступил с критикой наркоматов торговли, финансов и ВСНХ за отсутствие знаний по Дальнему Востоку, которое приводит к широкой передаче рыболовных участков в концессию и полному игнорированию развития отечественных предприятий;

4) было предложено организовать переселение на Дальний Восток жителей из других густонаселенных регионов, что позволило бы избежать безработицы в этих регионах и способствовало бы заселению малонаселенного Дальнего Востока (Бакшеев, 2013).

При развитии сельского хозяйства специалистами были проведены анализ почв, климата, традиционных культур в каждом районе края, в результате чего появились рекомендации, которые постепенно воплощались в жизнь. В восточном

Забайкалье было предложено отказаться от товарного производства пшеницы и ржи, в связи с непригодностью земли для этой цели. Западная (Восточно-Забайкальская) часть края была переориентирована на скотоводство (мясное снабжение для всего Дальнего Востока). Приамурье, где хорошо вызревали пшеница, просо, гречка, стало надежной житницей Дальнего Востока. Приморье и Хабаровский округ занимались выращиванием риса, для чего был создан трест «Дальрис», который в дальнейшем стал снабжать рисом не только свой регион, но и центр СССР (Стасюкевич, 2013).

Из соседней Бурят-Монгольской республике также планировался товарный вывоз рогатого скота и лошадей на Дальний Восток, именно «в связи с усиленной его колонизацией», а также в другие районы Союза и за границу. Считалось, что зерновые культуры здесь не дают транспортабельной продукции. Зерновое хозяйство должно ориентироваться лишь в пределах удовлетворения внутреннего рынка и производства пшеницы для экспорта в Монголию, Дальний Восток (где хлебный дефицит оценивался до 7 млн пудов) и Ленский золотопромышленный район, кормовых и технических культур (Перспективы..., 1927. С. 4).

Из статьи «Дальне-восточный край» в Сибирской Советской энциклопедии 1929 г.: «Весь край находится в процессе еще не завершенной колонизации, и вопросы освоения и заселения являются одними из главнейших в хозяйственной и культурной жизни Дальнего Востока. Водворено плановых переселенцев: в 1925/26 – 11000 чел., в 1926/27 – 19000 чел.; не плановые переселенцы составляют 23 % прибывающих в край переселенцев. Обратников – до 15 %» (Дальне-восточный край, 1929. С. 775, 786). В том же издании намечалась статья «Колонизация», переименованная затем в «Переселение», но так и не изданная.

Перспективный план развития народного хозяйства Дальневосточного края на десятилетие (1927–1936) предусматривал крупные колонизационные мероприятия по подготовке земельного фонда для водворения свыше 1 млн плановых переселенцев и культурно-хозяйственное оборудование колонизируемых районов (агрономическая

помощь, здравоохранение, просвещение и прочее). Среди этих мероприятий особое внимание уделялось обеспечению посевов риса.

Библиографический список

Бакшеев А.И. Анализ проблем определения функций государства в период НЭПа // Вестник Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина. 2013. Т. 4. № 3. С. 102–110.

Бакшеев А.И. НЭП в Сибири. Атмосфера и логика войны: монография. Красноярск: КрасГМУ, 2020а. 145 с.

Бакшеев А.И. Теория фронта и переселение крестьян в Сибирь: научная трактовка государственной политики XIX–XX веков // Известия Лаборатории древних технологий. № 2. 2020b. Т. 16. С. 130–140.

Белянин Д.Н. Противоречия в реализации переселенческой политики в Сибири на рубеже XIX–XX вв. // Гуманитарные науки в Сибири. 2011. № 1. С. 27–30.

Белянин Д.Н. Ссудная помощь сибирским переселенцам в конце XIX – начале XX в. // Вестник Кемеровского государственного университета. 2012. № 3 (51). С. 36–40.

Белянин Д.Н. Этапы. Задачи и Итоги политики крестьянских переселений в Сибирь в 1861–1914 гг. // Актуальные вопросы фундаментальных наук в техническом ВУЗе / Сборник научных статей под редакцией С.А. Ковалевского. Кемерово, 2019. С. 3–44.

Винокуров М.А., Суходолов А.П. Экономика Сибири 1900–1928 гг. Новосибирск: Наука, 1996. 320 с.

Давыдов М.А. Статистика землеустройства в ходе Столыпинской аграрной реформы // Российская история. 2011. № 1. С. 56–72.

Дальне-восточный край // Сибирская советская энциклопедия. Новосибирск, 1929. Т. 1. С. 769–786.

Захарова Н.В. Организация государственной помощи переселенцам тобольской губернии в годы столыпинской аграрной реформы // Клио. 2005. № 3 (30). С. 151–159.

Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Изд. 5-е. Т. 51. Письма. Июль 1919 – ноябрь 1920. М., 1965. 573 с.

Минеев М., Колосовский Н. Индустриализация // Сибирская советская энциклопедия. Новосибирск, 1930. Т. 2. С. 240–267.

Огановский Н.П. Закономерность аграрной эволюции. Т. 3. Вып. 1. Обновление земледельческой России и аграрная политика. Саратов, 1914. 335 с.

Таким образом при отдельных различиях в форме прослеживается преемственность по содержанию государственных проектов заселения восточных районов нашей страны.

References

Baksheev A.I. (2013) Analysis of problems of determining the functions of the state during the NEP period. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta imeni A.S. Pushkina = Bulletin of the Leningrad State University named after A.S. Pushkin*. Vol. 4. No. 3. P. 102–110. (In Russ.)

Baksheev A.I. (2020a) NEP in Siberia. Atmosphere and logic of war: a monograph. Krasnoyarsk: The Krasnoyarsk State Medical University. 145 p. (In Russ.)

Baksheev A.I. (2020b) Frontier theory and migration of peasants to the Siberia: scientific interpretation of the state policy of the XIX–XX centuries. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 16. No. 2. P. 130–140. (In Russ.)

Belyanin D.N. (2011) Contradictions in the implementation of migration policy in Siberia at the turn of the XIX–XX centuries. *Gumanitarnye nauki v Sibiri = Humanitarian Sciences in Siberia*. No. 1. P. 27–30. (In Russ.)

Belyanin D.N. (2012) Loan assistance to Siberian immigrants in the late XIX – early XX centuries. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Kemerovo State University*. No. 3 (51). P. 36–40. (In Russ.)

Belyanin D.N. (2019) Stages tasks and outcomes of the Policy of Peasant Migration to Siberia in 1861–1914. *Aktual'nye voprosy fundamental'nykh nauk v tekhnicheskoy VUZe. Sbornik nauchnykh statei = Actual questions of fundamental sciences in a technical university. Collection of scientific articles*. Kemerovo. P. 3–44. (In Russ.)

Vinokurov M.A., Sukhodolov A.P. (1996) Siberian Economy 1900–1928. Novosibirsk: Science. 320 p. (In Russ.)

Davydov M.A. (2011) Land management statistics during the Stolypin Agrarian Reform. *Rossiiskaya istoriya = Russian History*. No. 1. P. 56–72. (In Russ.)

(1929) Far Eastern region. Siberian Soviet encyclopedia. Novosibirsk. Vol. 1. P. 769–786. (In Russ.)

Zakharova N.V. (2005) Organization of state assistance to the immigrants of the Tobolsk province during the Stolypin Agrarian Reform. *Klio = Clío*. No. 3 (30). P. 151–159. (In Russ.)

Lenin V.I. (1965) Complete works. T. 51. Letters. July 1919 – November 1920. Moscow. 573 p. (In Russ.)

Mineev M., Kolosovsky N. (1930) Industrialization. Siberian Soviet encyclopedia. Novosibirsk. Vol. 2. P. 240–267. (In Russ.)

Oganovsky N.P. (1914) Regularity of agrarian evolution. Vol. 3. Iss. 1. Renewal of agricultural Russia and agrarian policy. Saratov. 335 p. (In Russ.)

Переселенческое «способие» // Сибирские вопросы. 1909. № 3. С. 11–17.

Перспективы и ближайшие задачи хозяйственного строительства Бурят-Монгольской АССР. Верхнеудинск, 1927. 89 с.

Скляр Л.Ф. Переселение и землеустройство в Сибири в годы столыпинской аграрной реформы. Ленинград, 1962. 558 с.

Стасюкевич С.М. Продовольственная политика Советского государства на Дальнем Востоке в 1922–1928 гг. // Гуманитарные науки в Сибири. 2013. № 4. С. 17–21.

Чиркин Г.Ф. О колонизационно-культурных задачах после войны // Вопросы колонизации / под ред. Г.Ф. Чиркина и Н.А. Гаврилова. 1915. № 18. С. 25–49.

Ямзин И.Л., Вошинин В.П. Учение о колонизации и переселениях. М.-Л.: Гос. изд-во, 1926. 328 с.

Ян Гамарник. Воспоминания друзей и соратников / сост. Л.В. Богомолова-Гамарник, Е.М. Борисов, В.Я. Кочнева, Г.С. Пуле. М.: Воениздат, 1978. 191 с.

Критерии авторства

А.И. Бакшеев, О.М. Бобылева выполнили исследовательскую работу, на основании полученных результатов провели обобщение, подготовили рукопись к печати, имеют на статью авторские права и несут полную ответственность за ее оригинальность.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Сведения об авторах

Бакшеев Андрей Иванович,
кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой философии и социально-гуманитарных наук, Красноярский государственный медицинский университет имени профессора В.Ф. Войно-Ясенецкого Министерства здравоохранения Российской Федерации, 660022, Красноярск, Красноярский край, ул. Партизана Железняка, 1, Россия,
✉ e-mail: baksh-ai@yandex.ru

Бобылева Ольга Михайловна,
кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры философии и социально-гуманитарных наук, Иркутский государственный университет путей сообщения, 664074, г. Иркутск, ул. Чернышевского, 15, Россия,
✉ e-mail: chuolga@yandex.ru

(1909) The resettlement “ability”. *Sibirskie voprosy = Siberian issues*. No. 3. P. 11–17. (In Russ.)

(1927) Prospects and immediate tasks of economic construction in the Buryat-Mongolian ASSR. *Verkhneudinsk*. 89 p. (In Russ.)

Sklyarov L.F. (1962) Resettlement and land management in Siberia during the Stolypin Agrarian Reform. *Leningrad*. 555 p. (In Russ.)

Stasyukevich S.M. (2013) Food policy of the Soviet State in the Far East in 1922–1928. *Gumanitarnye nauki v Sibiri = Humanities in Siberia*. No. 4. P. 17–21. (In Russ.)

Chirkin G.F. (1915) On colonization and cultural tasks after the war. *Voprosy kolonizatsii = Questions of colonization*. No. 18. P. 25–49. (In Russ.)

Yamzin I. L., Voshchinin V.P. (1926) The doctrine of colonization and resettlement. *Moscow – Leningrad: State publishing house*. 328 p. (In Russ.)

Jan Gamarnik. (1978) *Memoirs of friends and associates*. *Moscow: Voenizdat*. 191 p. (In Russ.)

Attribution criteria

Baksheev A.I., Bobyleva O.M. made the research work, on the basis of the results conducted a compilation, prepared the manuscript for publication, they own the copyright on this article and solely responsible for its originality.

Conflict of interest

The authors declare no conflict of interest.

The authors have read and approved the final manuscript.

Information about the authors

Andrey I. Baksheev,
Cand. Sci. (History), Associate Professor, Head of the Department of Philosophy and Social Sciences and Humanities, Krasnoyarsk State Medical University named after Professor V.F. Voyno-Yasenetsky Ministry of Health of the Russian Federation, 1, Partizan Zheleznyak street, Krasnoyarsk 660022, Russia,
✉ e-mail: baksh-ai@yandex.ru

Olga M. Bobyleva,
Cand. Sci. (History), Associate Professor of the Department of Philosophy and Social Sciences and Humanities, Irkutsk State Transport University, 15, Chernyshevsky street, Irkutsk 664074, Russia,
✉ e-mail: chuolga@yandex.ru